

УДК 821.161.1

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-0-16-17

Г.Л. НЕФАГИНА,

*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русской филологии
Поморской Академии в Слупске (Польша)*

«ИЗОБЛИЧИТЬ НАШ СТРАШНЫЙ ВЕК»: ПОЭТИЧЕСКИЙ ЭПОС ЭЛЛЫ БОБРОВОЙ

В статье анализируются особенности жанра и поэтики произведения. В поэме очевидна классическая традиция, связанная прежде всего с пушкинским влиянием. Очевидно, что образцом при создании «Ирины Истоминой» был роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Пушкинскую традиция проявляется на многих уровнях произведения. Название романа дано по имени главного героя, что определяет не только значимость персонажа, но и его типичность для своего времени.

Боброва наследует форму романа в стихах, использует «онегинскую» строфу и ритмику. Обращение к читателю, столь характерное для пушкинского романа, в «Ирине Истоминой» активизирует читателя и подчеркивает реальную основу произведения. Авторский комментарий отражает непосредственное отношение к происходящему, более того, близкое знакомство автора с героем, как это было в романе Пушкина.

Многие поэтические метафоры Бобровой имеют глубокие корни и восходят к народному творчеству и «Слову о полку Игореве».

«Ирина Истомина» является эпопеей, охватывающей период с 1937 по 1950 гг., но с ретроспекциями в более ранний исторический период. В ней через восприятие повествователя – подруги героини – даны все важные для истории страны события. Повествователь и героиня представляют поколение людей, рожденных и воспитанных советской (сталинской) действительностью. Собственная биография Бобровой, положенная в основу романа, дала возможность показать судьбу целой генерации.

Границы художественного мира романа расширяются благодаря лирической истории любви Ирины и Вадима.

Как в любом эпическом произведении, в романе Бобровой немало персонажей, как существенных для судьбы главной героини, так и эпизодических, встреченных на пути ее странствий. Роман Бобровой достоверен в мельчайших деталях, благодаря чему создается объемная картина времени «рождения новых биографий» и своеобразная энциклопедия жизни **Ди-Пи. Боброва не обходит вниманием ни одного реального эпизода, характерного для судеб дипийцев.** Особую роль играет в романе антитеза, на которой построена вся вторая часть произведения. Неслучайно она носит название «А у нас?» Противопоставление «здесь» и «у нас» – лейтмотив повествования.

Если бытовая жизнь воспринимается через антитезу, то бытийная гораздо сложнее. Перед героиней встают вопросы нравственного характера, требующие размышления. В духовной жизни подчеркивается особая роль православной церкви. Вера была тем незримым мостиком, который соединял всех русских людей в эмиграции в единый народ.

Появившись как оперативный отклик на только что окончившуюся войну, «Ирина Истомина» в XXI в. **воспринимается как исторический роман, реалии которого позволяют представить быт и бытие тех людей, которые стали «невозвращенцами»,** понять сложные переплетения частных судеб с судьбами мира.

Ключевые слова: эмиграция, война, роман, стихотворная форма, традиция, поэтический эпос.

Поет, критик, перекладач Елла Боброва (1911–2012) належить до покоління тих радянських людей, які пройшли через жах німецької окупації України, через біженство та табори Ді-Пі та змушені

були стати емігрантами, що склали другу хвилю. Свою долю вона описала в автобіографічній оповіді у віршах «Ірина Істоміна».

«Ірина Істоміна» була написана на початку 1960-х, коли в літературі російського зарубіжжя майже не було творів про долі другої еміграції та Ді-Пі, а в радянській літературі писати про «зрадників» та «колаборантів» було неможливо навіть в період хрущовської «відлиги». Типовий досвід «невільних емігранток» Боброва втілила у своєрідну художню форму поетичного епосу.

У статті аналізується особливості жанру та поетики твору. В поемі очевидна класична традиція, що пов'язана передусім з пушкінським впливом. Очевидно, що зразком при створенні «Ірини Істоміної» був роман О.С. Пушкіна «Євгеній Онегін». Пушкінська традиція проявляється на багатьох рівнях твору. Назва роману дана по імені головного героя, що визначає не тільки значущість персонажу, але і його типовість для свого часу. Боброва наслідує віршовану форму роману, використовує «онегінську» строфу та ритміку. Звернення до читача, характерне для пушкінського роману, в «Ірині Істоміній» активізує читача та підкреслює реальне підґрунтя твору. Авторський коментар відображає безпосереднє ставлення до подій, що відбуваються, більш того, близьке знайомство автора з героєм, як це було у романі Пушкіна.

Численні поетичні метафори Бобрової мають давні витоки народної творчості та «Слова о полку Ігореві».

«Ірина Істоміна» є епопеєю, що охоплює період з 1937 по 1950 рр., але з ретроспекціями до більш раннього історичного періоду. У ній через сприйняття оповідача – подружки героїні – надані усі важливі для історії країни події. Оповідачка та героїня представляють покоління людей, народжених та вихованих радянською (сталінською) дійсністю. Власна біографія Бобрової, що є основою роману, дала можливість показати долю цілої генерації.

Межі художнього світу роману розширюються завдяки ліричній історії кохання Ірини та Вадима. Як в будь-якому епічному творі, у романі Бобрової чимало персонажів, як суттєвих для долі головної героїні, так і епізодичних, що їх вона зустріла на шляху своїх мандрів. Роман Бобрової достовірний у найдрібніших деталях, завдяки чому створюється об'ємна картина часу «народження нових біографій» та своєрідна енциклопедія життя Ді-Пі. Боброва не залишає поза увагою жоден реальний епізод, характерний для долі діпійців.

Особливу роль у романі відіграє антитеза, на якій вибудована вся друга частина твору. Невипадково вона має назву «А у нас?». Протиставлення «тут» і «у нас» – **лейтмотив твору**. Якщо побутове життя сприймається через антитезу, то буттєва набагато складніша. Перед героїнею постають питання морального характеру, що потребують міркувань. У духовному житті підкреслюється особлива роль православної церкви. Віра була тим незримим містком, який з'єднував усіх російських людей в еміграції у єдиний народ.

З'явившись як оперативний відгук на війну, яка щойно закінчилася, «Ірина Істоміна» у XXI ст. сприймається як історичний роман, реалії якого дозволяють уявити побут і буття тих людей, які стали «неповерненцями», зрозуміти складні переплетіння приватних долі з долями світу.

Ключові слова: еміграція, війна, роман, віршована форма, традиція поетичний епос.

Поэт, критик, переводчик Элла Боброва (1911–2012) относится к поколению тех, кто, ощутив все тяготы немецкой оккупации Украины, вынуждены были стать эмигрантами, составившими вторую волну. Свою судьбу она описала в автобиографическом повествовании в стихах *«Ирина Истомина»*. Написанный сразу после войны роман в стихах был опубликован в 1967 г. в Торонто, переведен на несколько языков, но только в 1997 г. появился в России [1]. Он дополнял ряд художественных и документальных произведений, построенных на авторском жизненном материале и написанных бывшими «остовками», многие из которых вынуждены были остаться за границей. Типичный опыт «невольных эмигранток» Боброва воплотила в своеобразную художественную форму поэтического эпоса. Для поэта, каким являлась Боброва, форма определилась как осознанная необходимость лирического выражения судьбоносных эпических событий. Литературовед, журналист, поэт Георгий Мосешвили писал: «И, может быть, самое здесь удивительное: вместо жесткой рваной прозы в духе Некрасова, Максимова или даже Солженицына вся эта уродливая фантазмагория оживает в строгих, чеканных, классических по форме стихах» [2, с. 754].

В произведении очевидна классическая традиция, связанная прежде всего с пушкинским влиянием. По аналогии с «Евгением Онегиным» «Ирину Истому» можно назвать романом в стихах. Сравнение не случайно: пушкинский образец-идеал прослеживается на всех уровнях произведения. Название романа дано по имени главного героя, что определяет не только значимость персонажа, но и его типичность для своего времени.

Большой временной охват с ретроспекциями и авторскими отступлениями, отражение исторически важных не только для героя, но – через него – для всей страны и мира в целом событий, обширная география, точность примет духовной атмосферы общества, сопряженная с энциклопедическим воссозданием деталей быта, определяют достоверность изображенного времени и составляют эпическую основу произведения. Как и роман в стихах Пушкина, «Ирина Истомина», в сущности, лиро-эпическая поэма.

«Ирина Истомина» написана четырехстопным ямбом, «онегинской» строфой. Достаточно сравнить начала обоих романов:

*«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог...»
и
«Не спали матери и жены
Ночь. Гул мотора... Чей черед?» [3].*

Авторский комментарий отражает непосредственное отношение к происходящему, более того, близкое знакомство автора с героем. Если у Пушкина «*Онегин, добрый мой приятель*», то у Бобровой «*Меня с Ириной / связали узы школьных дней; / Мы были в классе неразлучны*» [3]. Эти приятельские отношения мотивируют осведомленность автора о жизни и судьбе героя, дают возможность проникновения в его внутренний мир.

Обращение к читателю, столь характерное для пушкинского романа, в «Ирине Истоминой» активизирует читателя и подчеркивает реальную основу произведения. «*Прими, читатель, уверенье, / что не придуман мой рассказ*», «*Читатель, догадаться можно...*», «*Быть может, / так думал ты, читатель мой*» [3]. Кроме того, апелляция к читателю создает атмосферу доверительности и сопричастности.

Нельзя обойти вниманием пушкинское мастерство при описании Бобровой новогоднего буфета на эмигрантском балу. Это поэтический натюрморт, где разными красками играют русские блюда.

*Как винегрета пестр букет!
А вот в капусте белоснежной
Моченых яблок новизна;
В них терпко-сладкого вина
Таится вкус и запах нежный...
До невесомости легки
С яйцом и рисом пироги,
Стыдливо луком сельдь прикрыта,
Прозрачный студень нарочито
Испуганно чуть-чуть дрожит... [3]*

Пушкинская традиция определяет простоту и ясность стиля, хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что в романе Бобровой встречается нарушение ритмики стиха, неоправданная инверсия и употребление слов-«ложных помощников» поэта: «уж», «так», «ведь», «лишь» и др. В некоторых случаях можно было бы поставить в стих другое слово, более емкое и точное (например, в «*И отлучалась иногда / на время из дому нужда*» более уместно было бы «и уходила иногда...», или строчка «*История! Твой ждет их суд*» звучала бы более органично в редакции «История! Их ждет твой суд»). Но, представляется, что проблема формы не была доминирующей для автора, и не безупречность стиха, а достоверность содержания, внеэстетическая авторская интенция оказались более важными в условиях, когда нужна была правда о судьбах тех, кого объявили предателями и врагами. Роман был написан в начале 1960-х, когда в литературе русского зарубежья не так много было произведений о судьбах второй эмиграции и Ди-Пи¹, не говоря о том, что в советской литературе писать о «предателях» и «коллаборантах» было просто невозможно даже в период хрущевской «оттепели».

¹ «Ди-Пи» – от displaced persons, «перемещенные лица»

«Ирина Истомина» является эпопеей, охватывающей период с 1937 по 1950 гг., но с ретроспекциями в более ранний исторический период. В ней через восприятие повествователя – подруги героини – даны все важные для истории страны события. Повествователь и героиня представляют поколение людей, рожденных и воспитанных советской (сталинской) действительностью. Собственная биография Бобровой, положенная в основу романа, дала возможность показать судьбу целой генерации.

Поэт и критик второй волны Евгения Димер заметила: «Мне кажется, что в книге описана моя судьба, настолько красочно и правдиво автор изобразил бессонные ночи ожидания «черного ворона», запасы сухарей на случай «если заберут», войну с Финляндией, катастрофу начала Второй мировой войны и потерю родины, и не мне одной вспомнилась встреча с Западом с неизбежными сравнениями: «А у нас». Эти сравнения познали и бойцы в Польском походе, где „стреляя часто из окон, «освободителей» встречали”, и в Финляндии, где „карлик великана бил”, а затем в годы войны в Германии, откуда враг „построил мост, «вербуя» миллионы Ост” – дешевой рабочей силы с Востока» [4].

Роман начинается так, как будто какие-то события предшествовали этому началу, но о них не упоминается, и первая строфа звучит несколько неожиданно.

*Не спали матери и жены.
Ночь.
Гул мотора...
Чей черед? [3]*

Началом эпического произведения часто является какая-то обобщающая фраза или картина, подготавливающая дальнейший разворот сюжета. Боброва сразу окунает читателя в трагическую действительность. Она использует смысловую инверсию, ставит более частное в начало повествования, чтобы непосредственно ввести в суть происходящего, и только потом обобщает:

*В стране под маскою закона
Шло беззаконие в поход [3].*

Автор разворачивает катастрофическую картину этого беззакония, окутывавшего всех подозрительностью, разрушавшего нравственные устои общества, заражавшего каждого тотальным страхом. Боялись всего: не пойти на Первомайский парад, оказаться соседом, знакомым, а еще страшнее – другом арестованного, иметь родственников за границей, указать в анкете какие-то сведения и не указать их. Страх – это личное чувство – приобретал государственный масштаб. Вспомним, как у Б. Ямпольского в «Московской улице» герой каждую ночь видит из окна на стене противоположного дома огромные светящиеся буквы «Госстрах» – символ этого всеобъемлющего страха.

Но в атмосфере страха каждый тешил надежду и на первых порах веру в то, что его-то ЭТО не коснется, он ни в чем не виноват – то чувство, которое гораздо позже описали многие другие писатели.

*Невольно рассужденьем ложным
оправдывали мы порой
всех остальных исчезновенье,
той веры вековой полны,
что очень редко без вины
создать возможно обвиненье [3].*

Описывая «время оптовых смертей» (О. Мандельштам), автор к вечным русским вопросам «что делать?», «с чего начать?», «кто виноват?» добавляет терзающий души вопрос «за что?». За что

*в ссылку шел
герой, что был в боях прославлен
и орденами награжден;
а с ним в этапе шли одним
поэт,
и слесарь,
и ученый...?
Связали их статьей закона,
Как скошенную рожь жгутом.
Этап был жутким тем снопом [3].*

Поэтическая метафора снопа скошенной ржи, найденная поэтом, имеет глубокие корни. В «Слове о полку Игореве» русские воины, погибающие от половцев, тоже сравниваются со снопами: «На Немизе снопы стелют головами, молотят чеши харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела» [3]. Но тогда погибали в сражении с внешним врагом, и вопрос «за что?» не стоял.

Боброва показывает типичную судьбу девушки, чьи взгляды меняются под воздействием событий. Несколькими штрихами автор набрасывает психологический портрет героини – веселой, остроумной, умеющей постоять за себя, верящей в справедливость.

*Умела всех развлечь она;
Всегда смешных затей полна,
смеялась и сама нередко
над словом остроумным, метким [3].*

Ее мировоззрение формировала не только государственная пропаганда, но и семья, в которой все любили читать и размышлять над прочитанным. Как многие молодые, Ирина была убеждена в «светлом будущем», хотя отец пытался раскрыть ложность сталинского пути, «не верил больше в мифы он». Но мажорный энтузиазм доминировал в сознании героини до тех пор, пока трагедия репрессий не коснулась и ее семьи.

Ирина – натура деятельная, активная. Она пытается доказать невиновность отца, добивается встречи с прокурором. Боброва несколькими штрихами создает очень человеческий образ прокурора, которому жалко наивной девочки, но, повязанный неуверенностью в собственном завтрашнем дне, опутанный, как и другие, всеобщим страхом, он дает лишь один совет: не искать правды.

Боброва показывает, что не сразу иллюзии справедливости власти изживаются героиней. Убежденная в невиновности арестованного отца, как и многие, кто

*тайный произвол в судах
Все самовластьем на местах
Тогда наивно объясняли [3],*

она пишет письмо Сталину, веря, что он может помочь. Миф о добром вожде развеивается, а в душе растет протест:

*Нет, не хочу я быть овцой,
Дрожа идущей на убой [3].*

Психологически точно Бобровой отражен процесс изживания наивной девушкой убежденности в справедливости сталинской системы.

Достоверно изображая жестокую реальность сталинизма, Боброва столь же верно показывает, что естественная жизнь продолжала диктовать свои законы. Лирическая история любви Ирины и Вадима расширяет границы художественного мира романа и добавляет новые нюансы в психологический портрет героини. Застенчивость, целомудренность в отношениях и мечта о счастливой семейной жизни как важнейшей ценности, как своего

рода противопоставление ложным идеологическим постулатам характеризуют отношения молодых людей.

Вадим так же чист, как Ирина. Он долго не может признаться в любви к девушке, мучается, не зная, ответит ли она взаимностью. Вообще надо отметить, что Ирина и Вадим – типичные представители молодежи, рожденной перед революцией, воспитанной традициями русской семьи и новым формировавшимся советским пониманием того, что такое хорошо и что такое плохо.

Эта часть романа пронизана не только лиризмом, но и мягким юмором. Поэт с иронией сообщает, что в истории знакомства Ирины и Вадима нет ни доли авторской фантазии, а только правда: герой не спасал жизнь героини, как это водится в романах, не вытаскивал ее ни из огня, ни из пропасти, а влюбился на одном из бесконечной череды собраний. С легкой насмешкой над наивностью молодых людей рисуется их утопическая мечта о будущем, когда кухня будет только для одной семьи, можно будет ходить на собрания только по желанию и ездить по всему свету без виз и анкет. В мечтах возникает мир, зеркальный противоположному существующему. Но для влюбленных это реальный мир их двоих.

И тем не менее трагические ноты вторгаются в рапсодию любви: это боязнь Ирины признаться любимому, что отец объявлен врагом народа, ведь бывало, что ради собственного благополучия отрекались от жен и невест, от отцов и братьев. Но Вадим не испугался за себя и не предал любимую. Трагическим финалом лирической истории звучит смерть Вадима в польском походе 1939 г.

Картина реальной жизни складывается из достоверных деталей. Достаточно скучные, они, тем не менее, позволяют увидеть не только конкретную бытовую трудность, но и важные проблемы того времени. Так, «освобожденные» в 1939 г. поляки вовсе не цветами, а часто оружием встречали советских солдат. Брат Ирины – участник финской войны – писал с фронта, что нет должного снабжения, просил, чтобы распускали шерстяные вещи, вязали и присылали теплые носки, рукавицы, что означало неподготовленность армии к боям в суровых условиях северной зимы. Люди, потерявшие, как Ирина, работу из-за анкеты, вынуждены были продавать вещи на «толчке».

Катастрофа первых месяцев войны связывалась не столько с внезапностью нападения Германии, сколько с паникой и неразберихой в снабжении армии горючим, снарядами, оружием, о чем рассказывает брат Ирины. Особенностью этой части романа является прозаизация стиха, как бы убыстряющийся в унисон с военными событиями темп повествования и отрывистый ритм стиха, подобный интонации военных приказов.

Первую часть романа завершает почти кинематографическая картина отступления советской армии и затаившегося в ожидании города.

*Электростанцию сжигают...
Надолго, видно,
Свет погас.
На складах все уничтожают,
Не выдав хлеба про запас.
.....
Завод взлетает за заводом.
Коптилка светить в погребках,
а с фонарем на чердаках
команды ищут дезертиров...
Ждет город.
Ждут в подвале Иры.
Все стихло...
Немцы!
Чей-то вскрик...
Запомнит Ира этот миг [3].*

Вторая часть – «остовская» история героини. Между застывшим в ожидании городом и жизнью Ирины в Чехословакии, где она работает в пансионе для богатых престарелых

немецких дам, проходит два года, события которых восстанавливаются только ретроспективно. Именно в ретроспекциях возникают картины, имеющие типичный характер: эвакуация соседа на Урал, уничтожение немцами евреев в Сорочьей балке, насильственная рекрутация молодежи для работы в хозяйствах рейха.

Вторая часть романа построена на сравнении, скорее даже, на антитезе. Неслучайно она носит название *А у нас?* Противопоставление «здесь» и «у нас» – лейтмотив повествования. Сравнивая быт, обустроенность жизни даже простых людей, Ирина понимает, что между двумя мирами «годами из понятий ложных / глухая строилась стена». В ней расцвет обида за свою страну, желание, когда вернется домой (а она верит в это), говорить о необходимости перемен.

Если бытовая жизнь воспринимается через антитезу, то бытийная гораздо сложнее. Перед героиней встают вопросы нравственного характера, требующие размышления. Она не знает, как оценивать армию Власова.

*Предателями как назвать
милльон солдат и офицеров?».*

...

*Спасались?... Нет,
Отдали жизни
Они... И так любя отчизну,
С клеймом предателей умрут...
История!
Твой ждет их суд [3].*

Ирина раздумывает над тем, кого можно считать героем, достоин ли этого звания тот, кто «в выполнении / злодейств / бесстрашие доказал», кто был лично храбрым, но «служба отечеству, народу, / полмира он лишил свободы». Непростые понятия патриотизма, долга, чести требовали серьезных и глубоких размышлений. Она видит, что не все немцы разделяли нацистскую идеологию, так же, как не все советские люди принимали сталинизм. В сознании «годами спавших бунтарей» окончательно рассеивается вера в «мифоподобный идеал».

В условиях физического рабства происходило освобождение души, по выражению эмигранта второй волны Михаила Корякова. Ирина Истомина начинает задумываться: «Ведь думать мы еще вольны». И ей «ненавистен стал тиран / и свой, и всех времен и стран». Но Ирина не отождествляет сталинизм и родину, народ. Победа советского народа наполняет сердце девушки гордостью, она верит, что такая победа станет легендарной, будет воспета поэтами.

*Легендой будет жить гигант,
Что голод победил в блокаде.
Легендой – русская река,
что лишь
на дно
принять врага
согласие дала сурово.
А о героях – будет Слово [3].*

Испытывая гордость за сумевший выжить Ленинград и переломивший ход войны Сталинград, автор не хочет называть героические города именами тех, кого считает источником всех преступлений, поэтому дает описательную характеристику, позволяющую идентифицировать город.

Конец войны приносит надежду на возвращение домой, мечты о том, что в стране все изменилось. Но – и это является общим местом почти всех произведений об остовах – действительность разбивает мечты: страх оказаться «врагом народа» заставляет советских людей бежать на Запад. Время, когда советских пленных и остовок возвращали из лагерей Ди-Пи на родину, Боброва называет «сезон охоты на людей».

Незаурядное мастерство поэта проявляется в передаче состояния Ирины в момент побега из лагеря в советской зоне. Сцена наполнена экспрессией, буквально слышишь стук сердца героини, ощущаешь ее страх перед погоней и чувство спасительного одиночества в ночном лесу, в котором встреча с диким зверем казалась менее опасной, чем с советскими энкавдистами. Пройдя через лагерь, через побег из советской зоны, она обретает свободу жить.

Как в любом эпическом произведении, в романе Бобровой немало персонажей, как существенных для истории главной героини, так и эпизодических, встреченных на пути ее странствий. Автор несколькими штрихами создает портреты монахини Агаты, чьи «глаза – живой янтарь в тени», фрау Гертруды Танне – немецкой аристократки, поразившей Ирину не только скромностью, добротой и приветливостью, но и тем, что ненавидела фюрера, судетской немки Ингрид, нацистки, с придыханием вспоминавшей приезд Гитлера. При побеге из лагеря ей помогла «немка, мать солдата, что на Украине был доброй женщиной спасен» (добро вызывает добро и добром возвращается).

Среди русских эмигрантов особенно выразителен образ Глеба Кузьмича. Автор видит этого человека глазами влюбленной Ирины, которую восхищает и его страстность в спорах, и бескорыстие в дружбе, и вера в людей, и любовь к России. Этот человек напоминал ей и отца, и Вадима.

*Казалось, близких двух людей
в одном –
случилось видеть ей [3].*

Роман Бобровой достоверен в мельчайших деталях, благодаря чему создается объёмная картина времени «рождения новых биографий» и жизни Ди-Пи. Боброва не обходит вниманием ни одного реального эпизода, характерного для судеб дипийцев.

Как для многих эмигрантов, для Ирины особую роль в духовной жизни начинает играть православная церковь. Вера была тем незримым мостиком, который соединял всех русских людей в единый народ. Именно в церкви Ирина встречает эмигрантов первой волны, которые поразили ее неугасающей любовью к России, неустанной работой по спасению страны от сталинизма и верой в возвращение.

*Поседевшие кадеты
о дальней родине своей
душой болели: неустанно
объединялись, чтоб найти
к ее спасению пути
(не расставаясь с чемоданом).
Встречались в спорах здесь солдат,
ученый,
доктор,
дипломат.
Раскальвались, вновь сливались,
меняли курс, но... не сдавались!
Они сходились лишь в одном:
в гостях они
в краю чужом [3].*

Деятельность НТС, работа на радио «Свобода» воспринимаются Ириной как «служенье Правде, не мечте».

Реалистическая картина жизни Ди-Пи дополняется описанием эмигрантского новогоднего бала. Балом грезила Ирина, как и многие девочки, читая «Евгения Онегина» или «Войну и мир». Эмигрантский бал был особым: он объединял людей из разных мест России, разных сословий и профессий, старых и новых эмигрантов. Бал оказывается судьбоносным для героини. Здесь происходит молчаливое объяснение Глеба Кузьмича в любви к Ирине.

В своеобразном эпилоге – обращении к читателю раскрывается продолжение истории Ирины, ее замужество и служение русской идее. Как бы споря с эпилогом «Войны и мира», Боброва уверяет, что Ирину «в замужестве / не будней / ждала бесцветных череда».

Ирина жить, дерзать училась,
духовно крепла и росла;
но где бы в мире ни жила-
осталась русской. И горела
упрямым пламенем в ней вера
в родной, но обновленный дом
с открытым
настежь вновь
окном [3].

Среди множества откликов на роман особенно ценными были признание Ириной Одоевцевой, Андреем Седых и Юрием Терапиано, который написал:

«Нужна немалая смелость, чтобы судить „за” и „против”, описывая сложную и противоречивую психологическую ситуацию эпохи Второй мировой войны. <...> Элла Боброва взяла на себя смелость рассказать о переживаниях молодежи того периода, и сюжет ее повести задевает читателя как человека и гражданина: ведь не одна Ирина здесь, а все ее поколение!.. Сотни тысяч Ирин и Вадимов были принуждены разобраться во всем и принимать решения, от которых зависело их будущее... Эта „история души” девушки, представительницы русской молодежи эпохи террора, сохранена как одно из свидетельств, закрепленное в поэтической форме» [5].

А. Седых самым главным в повести считал «ее высокую гражданственность и в то же время глубокую человечность. Именно эти два фактора ставят повесть в ряд произведений общечеловеческого значения» [5].

Слова одной из корреспонденток Бобровой отражали чувства многих рядовых читателей-эмигрантов: «Все, что написано в Вашей повести, горестно близко нам, русским, и тем, кто оторвался от родины после Второй войны, и тем, кто вот уже полвека хранит, как святыню, „...ту, что стала знаменем России, полоску исчезающей земли”, как душераздирающе сказал Ю. Терапиано» [5].

Появившись как оперативный отклик на только что окончившуюся войну, «Ирина Истомина» в XXI в. воспринимается как исторический роман, реалии которого позволяют вообразить быт и бытие поколения тех людей, которые стали «невозвращенцами», воочию представить сложные переплетения частных судеб с судьбами мира.

Список использованных источников

1. Боброва Э. Ирина Истомина. Повесть в стихах / Э. Боброва. – М.: Наследие, 1997. – 111 с.
2. Мосешвили Г. Драгоценный дар (поэзия Эллы Бобровой на грани двух веков) / Г. Мосешвили // Избранное: в 2 т. – М.: ПРОБЕЛ 2000, 2018. – Т. 1. – 876 с.
3. Боброва Э. Ирина Истомина / Э. Боброва. – Торонто: Современник, 1967. – 88 с.
4. Димер Е. Прозрение Ирины Истоминой / Е. Димер // Вестник. – 1999. – № 8 (215). – 13 апреля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnik.com/issues/1999/0413/win/dimer.htm> (последнее обращение 10.05.2019).
5. Седых А. Отклики русских писателей на повесть Эллы Бобровой «Ирина Истомина» / А. Седых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newcanada.com> (последнее обращение 10.05.2019).